

Стихотворения (1921). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!

Стихотворения (1921). Владимир Владимирович Маяковский

СКАЗКА ДЛЯ ШАХТЕРА-ДРУГА ПРО ШАХТЕРКИ, ЧУНИ И КАМЕННЫЙ УГОЛЬ
Раз шахтеры

шахты близ

распустили нюни:
мол, шахтерки продрались,
обносились чуни.
Мимо шахты шел шептун.
Втерся тихим вором.
Нищету увидев ту,
речь повел к шахтерам:
«Большевистский этот рай
хуже, дескать, ада.
Нет сапог, а уголь дай.
Бастовать бы надо!
Что за жизнь, – не жизнь, а гроб...»
Вдруг

забойщик ловкий

шептуна

с помоста сгреб,

вниз спустил головкой.
«Слово мне позвольте взять!
Брось, шахтер, надежды!
Если будем так стоять, –
будем без одежды.
Не сошьет сапожки бог,
не обует ноженьки.
Настоишься без сапог,
помощь ждя от боженьки.
Чтоб одели голяков,
фабрик нужен ряд нам.
Дашь для фабрик угольков, –
будешь жить нарядным.
Эй, шахтер,

куда ни глянь,

от тепла

до света,

даже пища от угля –
от угля все это.
Даже с хлебом будет туго,
если нету угля.
Нету угля –

нету плуга.

Пальцем вспашешь луг ли?
Что без угля будешь есть?
Чем еду посолишь?
Чем хлеба и соль привезть
без угля изволишь?
Вся страна разорена.
Где ж работать было,
если силой всей она
вражьи силы била?
Биты белые в боях.
Все за труд!

За пользу!

Эй, рабочий,

Русь твоя!

Возроди и пользуй!
Все добудь своей рукой –
сапоги,
рубаху!
Так махни ж, шахтер, киркой –
бей по углю смаху!..»
И призыв горячий мой

Стихотворения (1921). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

не дослушав даже,
забывать пошли забой,
что ни день – то сажень.
Сгреб отгребщик уголь вон
вбил крепильщик клетки,
а по штрекам

коногон

гонит вагонетки.
В труд ушедший с головой,
вагонетки эти
принимает стволовой,
нагружает клетки.
Вырвав тыщей дружных сил
из подземных сводов,
мчали уголь по Руси,
черный хлеб заводов.
Встал от сна России труп –
ожила громада,
дым дымит с фабричных труб,
все творим, что надо.
Сапоги для всех, кто бос,
куртки всем, кто голы,
развозил э л е к т р о в о з
через леса и доли.
И шахтер одет,

обут,

носом в табачишке.
А еды! –

Бери хоть пуд –

всякой снеди лишки.
Жизнь привольна и легка.
Светит уголь,

греется.

Всё у нас –

до молока

птичьего

имеется.

Я, конечно, сказку сплел,
но скажу для друга:
будет вправду это все,
если будет уголь!
ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЧКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
Слава тебе, краснозвездный герой!
Землю кровью вымыв,
во славу коммуны,
к горе за горой
шедший твердынями Крыма.
Они проползали танками рвы,
выпятив пушек шеи, –
телами рвы заполняли вы,
по трупам перейдя перешеек.
Они
за окопом взрыли окоп,
хлестали свинцовой рекою,
а вы
отобрали у них Перекоп
чуть не голой рукою.
Не только тобой завоеван Крым
и белых разбита орава, –
удар твой двойной:
завоевано им
трудиться великое право.
И если
в солнце жизнь суждена
за этими днями хмурыми,
мы знаем –
вашей отвагой она
взята в перекопском штурме.

Стихотворения (1921). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
В одну благодарность сливаем слова
тебе,
краснозвездная лава.
Во веки веков, товарищи,
вам –
слава, слава, слава!
О ДРЯНИ
Слава, Слава, Слава героям!!!
Впрочем,
им
довольно воздали дани.
Теперь
поговорим
о дряни.
Утихомирились бури революционных лон.
Подернулась тиной советская мешанина.
И вылезло
из-за спины РСФСР
мурло
мещанина.
(Меня не поймаете на слове,
я вовсе не против мещанского сословия.
Мещанам
без различия классов и сословий
мое славословие.)
Со всех необъятных российских нив,
с первого дня советского рождения
стеклись они,
наскоро оперенья переменив,
и засели во все учреждения.
Намозолив от пятилетнего сидения зады,
крепкие, как умывальники,
живут и поныне –
тише воды.
Свили уютные кабинеты и спальни.
И вечером
та или иная мразь,
на жену,
за пианином обучающуюся, глядя,
говорит,
от самовара разморясь:
«Товарищ Надя!
К празднику прибавка –
24 тыщи.
Тариф.
Эх,
и заведу я себе
тихоокеанские галифища,
чтоб из штанов
выглядывать
как коралловый риф!»
А Надя:
«И мне с эмблемами платья.
Без серпа и молота не покажешься в свете.
В чем
сегодня
буду фигурять я
на балу в Реввоенсовете?!»
На стенке Маркс.
Рамочка ала.
На «Известиях» лежа, котенок греется.
А из-под потолочка
верещала
оголтелая канареица.
Маркс со стенки смотрел, смотрел..
И вдруг
разинул рот,
да как заорет:

Стихотворения (1921). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
«Опутали революцию обывательщины нити.
Страшнее Врангеля обывательский быт.
Скорее
головы канарейкам сверните –
чтоб коммунизм
канарейками не был побит!»
НЕРАЗБЕРИХА
Лубянская площадь.
На площади той,
как грешные верблюды в конце мира,
орут папиросники:
«Давай, налетай!
«Мурсал» рассыпной!
Пачками «Ира»!»
Никольские ворота.
Часовня у ворот.
Пропахла ладаном и елеем она.
Тиха,
что воды набрала в рот,
часовня святого Пантэлеймона.
Против Никольских – Наркомвнудел.
Дела и люди со дна до крыши.
Гремели двери,
авто дудел.
На площадь
чекист из подъезда вышел.
«Комиссар!!» – шепнул, увидев наган,
мальчишка один,
юркий и скользкий,
а у самого
на Лубянской одна нога,
а другая –
на Никольской.
Чекист по делам на Ильинку шел,
совсем не в тот
и не из того отдела, –
весь день гонял,
устал как вол.
И вообще –
какое ему до этого дело?!
Мальчишка
с перепугу
в часовню шасть.
Конспиративно закрестились папиросники.
Набились,
аж яблоку негде упасть!
Возрадовались святители,
апостолы
и постники.
Дивится Пантэлеймон:
– Уверовали в бога! –
Дивится чекист:
– Что они,
очумели?! –
Дивятся мальчишки:
– Унесли, мол, ноги! –
Наудивлялись все,
аж успокоились еле.
И вновь по-старому.
В часовне тихо.
Чекист по улицам гоняет лих.
Черт его знает какая неразбериха!
А сколько их,
таких неразберих?!
ДВА НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНЫХ СЛУЧАЯ
Ежедневно
как вол жуя,
стараясь за строчки драть, –

я
не стану писать про Поволжье:
про ЭТО –
страшно врать.
Но я голодал,
и тысяч лучше я
знаю проклятое слово – «голодные!»
Вот два,
не совсем обычные, случая,
на ненависть к голоду самые годные.
Первый. –
Кто из петербуржцев
забудет 18-й год?!
Над дохлым лошадьем вороны кружатся.
Лошадь за лошадью падает на лед.
Заколачиваются улицы ровные.
Хвостом виляя,
на перекрестках
собаки дрессированные
просили милостыню, визжа и лая.
Газетам писать не хватало духу –
но это ж передавалось изустно:
старик
удушил
жену-старуху
и ел частями.
Злился –
невкусно.
Слухи такие
и мрущим от голода,
и сытым сумели глотки свесть.
Из каждой поры огромного города
росло ненасытное желание есть.
От слухов и голода двигаясь еле,
раз
сам я,
с голодной тоской,
остановился у витрины Эйлерса –
цветочный магазин на углу Морской.
Малы – аж не видно! – цветочные точки,
нули ж у цен
необъятны длиной!
По булке, должно быть, в любом лепесточке.
И вдруг,
смотрю,
меж витриной и мною –
фигурка человечья.
Идет и валится.
У фигурки конская голова.
Идет.
И в собственные ноздри
пальцы
воткнула.
Три или два.
Глаза открытые мухи обсели,
а сбоку
жила из шеи торчала.
Из жилы
капли по улицам сеялись
и стыли чернó, кровянея сначала.
Смотрел и смотрел на ползущую тень я,
дрожа от сознанья невыносимого,
что полуживотное это –
виденье! –
что это
людей вымирающих символ.
От этого ужаса я – на попятный.
Ищу машинально чернеющий след.

Стихотворения (1921). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
И к туше лошажей припелся по пятнам.
Где ж голова?
Головы и нет!
А возле,
с каплями крови присохлой,
блестел вершок перочинного ножичка –
должно быть,
тот
работал над дохлой
и толстую шею кромсал понемножечко.
Я понял:
не символ,
стихом позолоченный,
людская
реальная тень прошагала.
Быть может,
завтра
вот так же точно
я здесь заработаю, скалясь шакалом.
Второй. –
Из мелочи выросло в это.
Май стоял.
Позапрошное лето.
Весною ширишь ноздри и рот,
ловя бульваров дыханье липовое.
Я голодал,
и с другими
в черед
встал у бывшей кофейни Филиппова я.
Лет пять, должно быть, не был там,
а память шепчет еле:
«Тогда
в кафе
журчал фонтан
и плавали форели».
Вздуваемый памятью рос аппетит;
какой ни на есть,
но по крайней мере –
обед.
Как медленно время летит!
И вот
я втиснут в кафежные двери.
Сидели
с селедкой во рту и в посуде,
в селедке рубахи,
и воздух в селедке.
На черта ж весна,
если с улиц
люди
от лип
сюда влипают все-таки!
Едят,
дрожа от голода голого,
вдыхают радостью душище едкий,
а нищие молят:
подайте головы.
Дерясь, получают селедок объедки.
Кто б вспомнил народа российского имя,
когда б не бросали хребты им в горсточки?!
Народ бы российский
сегодня же вымер,
когда б не нашлось у селедки косточки.
От мысли от этой
сквозь грызшихся кучку,
громя кулаком по ораве зверьей,
пробился,
схватился,
дернул за ручку –

Стихотворения (1921). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

и вы́бег,
селедкой обмазан –
об двери.
Не знаю,
душа пропахла,
рубаха ли,
какими водами дух этот смою?
Полгода
звезды селедкою пахли,
лучи рассыпая гнилой чешуею.
Пускай,
полусытый,
доволен я нынче:
так, может, и кончусь, голод не видя, –
к нему я
ненависть в сердце вынянчил,
превыше всего его ненави́дя.
Подальше прочую чушь забрось,
когда человека голодом сводит.
Хлеб! –
вот это земная ось:
на ней вертеться и нам и свободе.
Пусть бабы баранки на Трубной нижут
и ситный лари Смоленского ломит, –
я день и ночь Поволжье вижу,
солому жующее, лежа в соломе.
Трубите ж о голоде в уши Европе!
Делитесь и те, у кого немного!
Крестьяне,
ройте пашен окопы!
Стреляйте в него
мешками налога!
Гоните стихом!
Тесните пьесой!
Вперед врачей целебных взводы!
Давите его дымовую завесой!
В атаку, фабрики!
В ногу, заводы!
А если
воплю голодных не внемлешь, –
чужды чужие голод и жажда вам, –
он
завтра
нагрянет на наши земли ж
и встанет здесь
за спиною у каждого!
СТИХОТВОРЕНИЕ О МЯСНИЦКОЙ, О БАБЕ И О ВСЕРОССИЙСКОМ МАСШТАБЕ
Салогии почистить – 1 000 000.
Состояние!
Раньше б дом купил –
и даже неплохой.
Привыкли к миллионам.
Даже до луны расстояние
советскому жителю кажется чепухой.
Дернул меня черт
писать один отчет.
«Что это такое?» –
спрашивает с тоскою
машинистка.
Ну, что отвечу ей?!
Черт его знает, что это такое,
если сзади
у него
тридцать семь нулей.
Недавно уверяла одна дура,
что у нее
тридцать девять тысяч семь сотых температура.
Так привыкли к таким числам,

Стихотворения (1921). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
что меньше сажени число и не мыслим.
И нам,
если мы на митинге ревим,
рамки арифметики, разумеется, ўзки –
все разрешаем в масштабе мировом.
В крайнем случае – масштаб общерусский.
«Электрификация!?» – масштаб всероссийский.
«Чистка!» – во всероссийском масштабе.
Кто-то
даже,
чтоб избежать переписки,
предлагал –
сквозь землю
до Вашингтона кабель.
Иду.
Мясницкая.
Ночь глуха.
Скачу трясогузкой с ухаба на ухаб.
Сзади с тележкой баба.
С вещами
на Ярославский
хлюпает по ухабам.
Сбивают ставшие в хвост на галоши;
то грузовик обдаст,
то лошадь.
Балансируя
– четырехлетний навык! –
тащусь меж канавиц,
канав,
кававок.
И то
– на лету вспоминая маму –
с размаху
у почтамта
плюхаюсь в яму.
На меня тележка.
На тележку баба.
В грязи ворочаемся с боку на́ бок.
Что бабе масштаб грандиозный наш?!
Бабе грязью обдало рыло,
и баба,
взбираясь с этажа на этаж,
сверху
и меня
и власти крыла.
Правдив и свободен мой вещей язык
и с волей советскою дружен,
но, натолкнувшись на эти низы,
даже я запнулся, сконфужен.
Я
на сложных агитвопросах рос,
а вот
не могу объяснить бабе,
почему это
о грязи
на Мясницкой
вопрос
никто не решает в общемясницком масштабе?!
ПРИКАЗ № 2 АРМИИ ИСКУССТВА
Это вам –
упитанные баритоны –
от Адама
до наших лет,
потрясающие театрами именуемые притоны
ариями Ромеов и Джульетт.
Это вам –
пентры,
раздобревшие как кони,

Стихотворения (1921). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskyyvladimir.ru
жрущая и ржущая России краса,
прячущаяся мастерскими,
по-старому драконя
цветочки и телеса.
Это вам –
прикрывшиеся листиками мистики,
лбы морщинками изрыв –
футуристики,
имажинистики,
акмеистики,
запутавшиеся в паутине рифм.
Это вам –
на растрепанные сменившим
гладкие прически,
на лапти – лак,
пролеткультцы,
кладущие заплатки
на вылинявший пушкинский фрак.
Это вам –
пляшущие, в дуду дующие,
и открыто предающиеся,
и грешащие тайком,
рисующие себе грядущее
огромным академическим пайком.
Вам говорю
я –
гениален я или не гениален,
бросивший безделушки
и работающий в Росте,
говорю вам –
пока вас прикладами не прогнали:
Бросьте!
Бросьте!
Забудьте,
плюньте
и на рифмы,
и на арии,
и на розовый куст,
и на прочие мелехлюндии
из арсеналов искусств.
Кому это интересно,
что – «Ах, вот бедненький!
Как он любил
и каким он был несчастным...»?
Мастера,
а не длинноволосые проповедники
нужны сейчас нам.
Слушайте!
Паровозы стонут,
дует в щели и в пол:
«Дайте уголь с Дону!
Слесарей,
механиков в депо!»
У каждой реки на истоке,
лежа с дырой в боку,
пароходы провыли доки:
«Дайте нефть из Баку!»
Пока канителим, спорим,
смысл сокровенный ища:
«Дайте нам новые формы!» –
несется вопль по вещам.
Нет дураков,
ждя, что выйдет из уст его,
стоять перед «маэстрами» толпой разинь.
Товарищи,
дайте новое искусство –
такое,
чтобы выволочь республику из грязи.

Стихотворения (1921). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Комментарии

Сказка для шахтера-друга про шахтерки, чуни и каменный уголь. Впервые – газ. «Горняк», М., 1921, 10 апреля; затем в журн. «Бов» (М., 1921, № 1, апрель), с рисунками Маяковского. «Бов» (Боевой отряд весельчаков), первый после гражданской войны сатирический журнал, организованный Маяковским.

Последняя страничка гражданской войны. Впервые – журн. «Бов», М., 1921, № 1 (апрель).

Написано на грани двух исторических периодов – окончания гражданской войны и перехода к мирному труду. Стихотворение носит одический характер. Воспевая подвиг «краснозвездного героя», Красную Армию, разбившую последнего врага Советов – Врангеля, поэт определяет в стихотворении центральную тему своего творчества на новом историческом этапе – тему труда. Величие подвига Красной Армии, по мысли Маяковского, состоит в том, что ее беззаветной отвагой было завоевано «трудиться великое право».

О дряни. Впервые – журн. «Бов», М., 1921, № 1, одновременно со стихотворением «Последняя страничка гражданской войны» (см. примечание).

Неразбериха. Впервые – газ. «Агит. – РОСТА», М., 1921, 16 августа (под заглавием «Наш быт» № 1).

По-видимому, заголовок «Наш быт» относился к задуманному Маяковским циклу сатирических стихов. Под этим общим названием было напечатано в газете «Известия ВЦИК» и стихотворение «Прозаседавшиеся».

Лубянская площадь – ныне площадь Дзержинского в Москве.

Ильинка – ныне улица Куйбышева в Москве.

Два не совсем обычных случая. Впервые – однодневная газ. «На помощь!» (изд. «Известия ВЦИК» в пользу голодающих Поволжья). М., 1921, 29 августа.

Стихотворение о Мясницкой, о бабе и о всероссийском масштабе. Впервые – сб. «Маяковский издевается», М., изд. «Вхутемас», 1922, 1-е и 2-е издания.

Написано, по-видимому, осенью 1921 года.

Приказ № 2 армии искусства. Впервые – журн. «Вещь» (Международное обозрение современного искусства), Берлин, 1922, март – апрель, а также в книге «Маяковский издевается», М., изд. «Вхутемас», 1922.

В мае 1922 года Маяковский выступил в Шубертзале (Берлин) на вечере, организованном русскими студентами в Германии, и, говоря о задачах советского искусства, сказал: «Быть русским поэтом, писателем можно только живя в России, с Россией. Пусть не думают въехать на белом коне своих многотомных произведений засевшие за границей авторы». Многочисленная аудитория со вниманием и бурными восторгами отнеслась к поэту (газета «Накануне», Берлин, 18 ноября 1922 г.).

Пентры – peintre (франц.) – живописцы.

В. Макаров.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

Стихотворения (1921). Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!